

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ж74

Фронтовой дневник
Дизайн обложки Диана Бобешко

Житомирский, Владимир Александрович.
Ж74 Враг Геббельса № 3 / Владимир Житомирский. –
Москва : Издательство АСТ, 2020. – 288 с. –
(Фронтовой дневник).

ISBN 978-5-17-120584-3

Художник-график Александр Житомирский вошел в историю изобразительного искусства в первую очередь как автор политических фотомонтажей. В годы войны с фашизмом его работы печатались на листовках, адресованных солдатам врага и служивших для них своеобразным «пропуском в плен». Вражеский генералитет издал приказ, запрещавший «коллекционировать русские листовки», а после разгрома на Волге за их хранение уже расстреливали. Рейхсминистр пропаганды Геббельс, узнав с помощью своей агентуры, кто делает иллюстрации к «Фронт иллюстрирте», внес имя Житомирского в список своих личных врагов под № 3 (после Левитана и Эренбурга). Этим людям требовалось «найти и повесить».

Сотрудники «Фронт иллюстрирте» работали, не щадя себя, на сон оставалось часа четыре. Александр Житомирский вспоминал: «Все мои мысли были сосредоточены на пропаганде среди войск врага. Для того чтобы сохранить остатки внутреннего равновесия, я придумал себе маленькую отдушину. Прежде чем лечь спать, я минут сорок проводил вне войны. На левой странице писал, что вспомнится из довоенного прошлого. На правой делал набросок – иллюстрацию к тексту». Этот уникальный дневник стал основой книги «Враг Геббельса №3», которую написал в память о своем отце сын художника – журналист и писатель Владимир Житомирский.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120584-3

© А.А. Житомирский, наследник, 2020
© В.А. Житомирский, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава I

Семейная реликвия

Я стараюсь брать в руки эту книгу как можно реже — знаю, что, подпав под ее магию, уже не оторвусь от нее, вновь не прочитав до конца. Она затрагивает некие потайные струны, включает такие эмоции, что надолго выводит тебя из душевного равновесия.

Взгляд сразу упирается в пронзительные слова *«Я знаю и помню, что ты ее будешь читать, Володька, и поэтому здесь все правда. Здесь не потребовались черновики и карандаш. Эта книга написана сердцем, тушью, пером. Для каждого рисунка потребовалась вся моя жизнь и еще полчаса. Это не мои слова, но это так»*.

Это семейная реликвия — рукописная книга «Мечты о прошлом и будущем», написанная моим отцом, Александром Житомирским, с его же полосными рисунками.

Это не дневник. Это свободные записки, воспоминания о детстве и наполненной оптимизмом довоенной жизни. Записки очень личные: пишуший их

постоянно обращается к жене — моей маме, к своему отцу, своему сыну, старым друзьям.

Он начал писать книгу в разгар войны.

Отец тогда работал в редакции «Иллюстрированной газеты», которая с началом войны стала именоваться «Фронтная иллюстрация». Размещалась редакция в здании «Правды». Поначалу издание предназначалось для красноармейцев. Но вскоре был спущен приказ делать еще и выпуск для немецких солдат, на немецком, разумеется, языке.

Вот как отец вспоминал этот день:

«Стоял июль сорок первого. Мы подошли к Новинскому бульвару. Белые колонны рухнули на асфальт. Вырвалось пламя, огонь продолжал бушевать. На фронте, на желтом фоне летели два ангела. Они трубили, словно хотели рассказать всему миру: гибнут книги! Горел самый красивый дом Москвы — Книжная палата... Уже месяц на нашей земле свирепствовала война. Мою жену Эрику с шестимесячным сыном отправил в Тбилиси к ее родителям. Мы, сотрудники еженедельника «Иллюстрированная газета», приложения к «Правде», жили в редакции, спали на холодных клеенчатых диванах и делали никому не нужный журнал. Однажды в свободный вечер решил проверить, цел ли мой дом. С приятелем, ретушером Сашей Комаровым, пришли на Трубниковский переулок. Дом был цел. Выпили бутылку вина, погрустили: журнал наш — дохлое дело, мы в стороне от схватки. На душе было скверно. С горьким чувством легли спать.

Вдруг зазвонил телефон. Это была Галина Николаевна Плеско, совесть нашей редакции, мы все ее любили и дружили с ней. Она была заместителем редактора. «Вот что, ребята. Как только можно будет передвигаться, молнией в редакцию. Срочное задание. Жду вас часам к шести...». Тогда уже были введены ночные пропуска, и у нас их еще не было. Мне показалось, что до шести еще далеко, я завалился на диван и вновь заснул. Меня разбудил телефон. То, что я услышал в трубке, сняло сон как рукой. Галина Николаевна ругалась, как матрос во время шторма. Мы вскочили, словно ошпаренные кипятком, небритые и голодные схватили такси на Кудринской площади. Оказалось, ночью ее вызвал начальник Политуправления Красной армии Мехлис и дал срочное задание подготовить макет нового журнала «Фронт-иллюстрирте» (Front-Illustrierte) для немецких солдат. Плеско обещала, что к девяти утра макет будет готов. Мы примчались в редакцию в 8.20! У меня в распоряжении было пятнадцать фотографий с фронта, название журнала и сорок минут. Ровно в девять Галина Николаевна увезла макет, в который вошли все фотографии, была намечена концепция будущего издания, нарисован заголовок, не менявшийся до конца войны. Так родился наш боевой журнал. С этого июльского дня и до самой победы все мои мысли были заняты пропагандой среди войск врага. Когда вышло несколько номеров журнала, Мехлис показал их Сталину. Тот их одобрил».

Продолжая делать журнал «Фронтвая иллюстрация» для нашей армии, маленький коллектив теперь готовил и издания для немецких солдат — помимо *Front-Illustrierte* еще и *Freies Deutschland in Bild*. Отдельные номера *Front-Illustrierte* выходили на итальянском, финском, венгерском. А еще делали фотогазету и листовки о героях войны на русском языке для наших и — важнейшая вещь! — контрпропагандистские листовки на немецком с фотомонтажами А. Житомирского.

Появились они таким образом.

Отец был и художником-оформителем, и автором фотомонтажных иллюстраций всех изданий. И вот на одном из его монтажей начальник Главного политуправления Красной армии (ГлавПУРа) написал: «Печатать отдельной листовкой. Тираж — один миллион». Так родились иллюстрированные листовки. На лицевой стороне был напечатан фотомонтаж, на «реверсе» — на русском и немецком языках текст, подтверждающий намерение предьявителя добровольно сдаться в плен. К таким солдатам отношение было получше, чем к захваченным против их воли во время боя.

Нет точной цифры, скольких немцев уберегли от смерти такие листовки, скольких — от совершения новых убийств. Соответственно, сколько наших — в форме и в обычной одежде — было, таким образом, спасено...

Глава I Семейная реликвия

Обложки журнала Front-Illustrierte с фотомонтажами А. Житомирского.

Эти же монтажи затем печатались в виде листовок

С редакцией сотрудничали известные писатели: Илья Эренбург, Алексей Толстой, Эрик Вайнерт, такие деятели, как Вильгельм Пик и

Вальтер Ульбрихт, позже — попавшие в плен внук Бисмарка летчик фон Айнзидель и фельдмаршал Паулюс. Среди авторов карикатур и рисунков были ведущие художники и карикатуристы Юлий Ганф, Борис Ефимов, Кукрыниксы, Николай Жуков, венгр Шандор Эк.

Редактором поначалу был литератор Михаил Эдель. По словам отца, «смелый и приятный человек». До войны Эдель служил в погранвойсках, на западной границе, был наполнен забавными рассказами, которыми щедро делился. Вот одна из таких баек. Как-то к нему за советом пришел один очень пожилой человек. Рассказал, что его сын уехал на Землю обетованную, а его, отца, к нему не выпускают. Пограничный начальник поинтересовался, знает ли его гость древнееврейский язык. И когда выяснилось, что тот этим языком владеет, посоветовал написать на нем письмо... Горькому на Капри. Тот, мол, многим из тех, кто к нему обращается за помощью, помогает. А письмо на таком редком языке не должно пройти мимо его внимания. Так и получилось. С помощью пролетарского писателя отец воссоединился с сыном...

К сожалению, спустя несколько месяцев Эдель чем-то проштрафился, и на его место был назначен майор Л. Железнов. По отзывам отца, «неглупый журналист, но трусоватый

человек». После войны они с Железновым не общались. А вот подмеченная трусоватость, по воспоминаниям многих, этому человеку очень даже пригодилась. Став ответственным секретарем журнала «Юность», он сделался фактическим цензором, вымарывая из произведений страницы, а то и целые главы, которые теоретически могли бы не понравиться кому-то «наверху». Сотрудник редакции Илья Суслов, случайно увидевший, как тот корежит повесть Василия Аксенова, обозвал его крепким словом, за что едва не вылетел с работы. А Анатолий Кузнецов, получив рукопись своего «Бабьего яра» после изуверской правки ответственного секретаря вкупе с еще несколькими редакторами, пришел в такую ярость, что потребовал вернуть рукопись. А когда ему ее не отдавали, ринулся в драку и силой вырвал машинописные листы. Правда, у редакции оказался еще один экземпляр, и кастрированный роман все же вышел в свет. А вот поэт Юрий Ряшенцев, работавший в «Юности», даже вспоминает о словечке, порожденном стилем работы ответственного секретаря: «У нас в редакции существовал термин “леопольдирование материала”. Это означало крайне пристальное, на просвет, прочтение всех сочинений Леопольдом Железновым, после чего можно было не бояться никакой цен-

зуры. Борис Полевой безгранично доверял своей правой руке».

Много лет спустя отец как-то утром сказал мне, что ночью ему приснился Железнов. Когда стало известно, что в тот день этот человек умер, отец задумчиво произнес: «Похоже, он прощался со своими знакомыми, слал нам сигналы...».

Это будет гораздо позже, а пока, в начале войны, Железнов, вспоминая отца, «полностью переключился на русское издание «Фронт-Центровой иллюстрации», отстранился от *Front Illustrierte* на немецком и таким образом дал мне полную свободу творчества в этом журнале». К счастью, репортажей с фронта хватало. В штате редакции работали талантливые фотомастера: Анатолий Гаранин, Аркадий Шайхет, Галина Санько, Марк Редькин, Анатолий Григорьев, Анатолий Морозов и другие. «Хорошие ребята и мужественные люди, — сказал мне как-то отец, говоря о том времени. — Я дружил с ними. Да и весь наш маленький коллектив был дружен. Быть может, нас особенно цементировала общая неприязнь к нашему редактору».

Работали много, работали как одержимые, рассказывал отец. Плюс к этому дежурства на крыше здания «Правды» во время немецких налетов. Когда удавалось поспать часа четыре

на своем клеенчатом ложе, считал, что сегодня выспался.

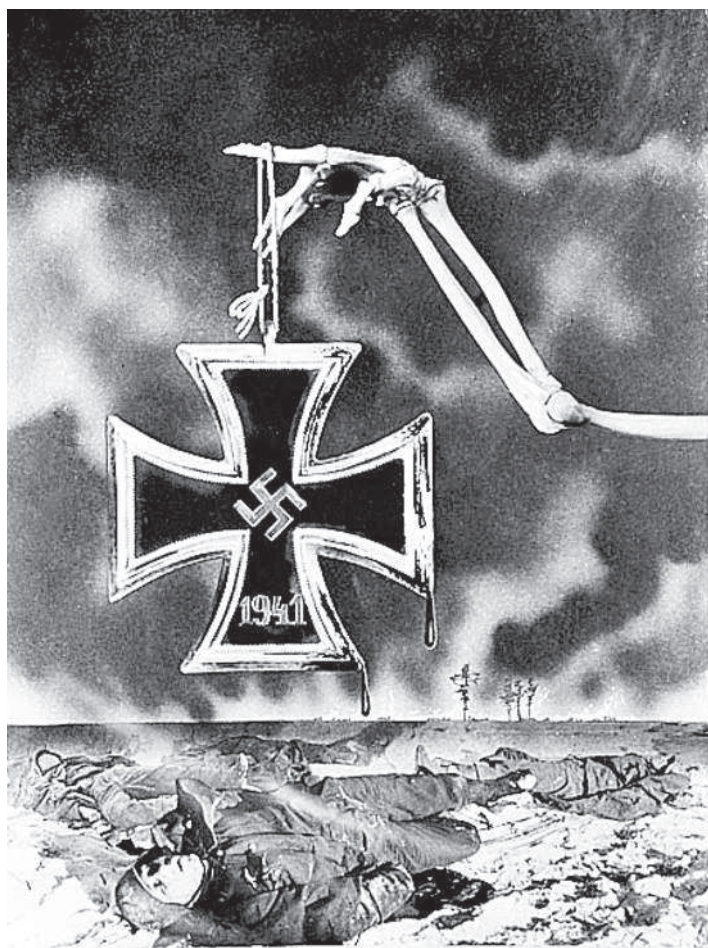
Мы захватили половину этажа в «Правде», вспоминал он, и у каждого из нас была комната, в которой мы жили и работали. Я укрывался шинелью на своем диване и зимой по утрам, чтобы согреться, бежал в душевую рабочих типографии, где был горячий душ... Затем — насыщенный рабочий день, а после, в случае объявления воздушной тревоги, — бегом на крышу, к щипцам и ящикам с песком, куда следовало бросать упавшие зажигательные бомбы.

В редакции всем было известно, что в планшете у пленного немецкого летчика на плане Москвы были помечены десять главных целей, в том числе издательство «Правда», а также расположенный по соседству авиазавод. К счастью, противовоздушная оборона — зенитки, прожектора, аэростаты — препятствовала прицельному бомбометанию. Правдисты даже шутили: самое безопасное место при бомбежке — сам военный объект. В издательстве сторел гараж, на авиазаводе — столовая, а вот вокруг — много домов.

Однажды запылали деревянные бараки общежития. Их обитатели находились в бомбоубежище. Чтобы избежать паники, им не сообщили об отбое тревоги. Журналисты бросились спасать их вещи, пока пожарники тщетно

заливали обугленные остовы водой. На рассвете, отжимая промокшую насквозь форму, отец подошел к окну и впервые за эту ночь улыбнулся. Вся улица была заставлена домашней утварью, швейными машинками, фикусами. Но подле черного пепелища, оставшегося от барачков, нетронутым стоял деревянный «голубой шалман», где любители горячительного обычно пропускали стопку-другую водки «с прицепом» — кружкой пива. Тогда подумалось: похоже, бог не только бережет пьяных, но и порой заботится о местах, где они таковыми становятся...

К счастью, налеты происходили время от времени, а обычно по окончании трудового дня, в час или два ночи сотрудники собирались в комнате отца. Каждый приносил, что у кого было: луковицу, хлеб, кусок колбасы. Хозяин выдвигал две доски из рабочего стола, опрокидывал на спину принесенный из дома темно-зеленый прямоугольный электрокамин на ножках сеткой вверх и поджаривал на ней бутерброды. На них образовывалась шотландская клеточка. Получалось красиво, но не слишком сытно. С едой тогда было туговато. (Впоследствии возвращенный домой, этот камин не один год служил нам зимними вечерами.)

Согреет ли тебя это?

Листовка

Этот ефрейтор ведет Германию к катастрофе
Листовка

**Каждый немецкий солдат
на Восточном фронте – смертник!**

Листовка